

Голос в трубке все такой же - мягкий, обволакивающий. Словно полетел привет одному из благодарных поклонников блистательной пани Терезы из знаменитого «Кабачка 13 стульев». Моя просьба об интервью встречена благосклонно, более того - народная артистка России Зоя ЗЕЛИНСКАЯ тут же набрасывает эскиз воспоминаний: «Я же родилась в старинном московском уголке - когда возле моего родного дома проезжаю, слезы на глаза наворачиваются...» Спустя несколько дней в гримерной Театра сатиры актриса словно продолжает начатый разговор.

- Мы с родителями жили в Шмитовском проезде, в доме 8. Мой отец был инженером - работал в Моссовете, и когда ему предложили маленькую комнатку на последнем этаже, он был необыкновенно доволен, - рассказывает Зоя Николаевна. - Да, это была коммуналка на последнем этаже, где обитали три семьи. Рядом - «белый магазин», как все его называли, - нынешний универсам. Тогда в нем можно было купить все: от соленых грибов до мыла. А из наших окон я видела трамвайную остановку «Новые дома». Тогда здесь, на Шмитовском, они были и впрямь новые. А дворы - чистые и ухоженные.

Весь первый этаж одного из домов был отдан под различные кружки: фото, вышивания, рисунка, музыки. Я там все время крутилась. Еще занималась балетом в Доме художественного воспитания на площади Восстания, и уроки там давала учительница из школы Большого театра! - увлеченно продолжает актриса. - У меня было много подруг, и, представьте себе, с некоторыми я дружу до сих пор! Например, с известным композитором Тамарой Марковой. Помните: «Клены распустили город колдовским каким-то цветом, это снова, это снова бабье лето, бабье лето...»

Недавно разбирала старые бумаги и извлекла на свет магаданскую газету 1942 года. Там есть заметка про способную девочку Зою, которая занимается в кружке и замечательно танцует под музыку Шопена.

Как вы оказались на Колыме? Неужели...

- Нет-нет, никого в нашей семье, к счастью, не посадили. За год до войны отца отправили в длительную командировку на строительство дороги. А мы с мамой отправились к нему 12 июня 1941 года - так что на Колыме нам пришлось прожить очень долго.

В школе были прилежной ученицей?

- По гуманитарным предметам училась неплохо, а точные науки давались значительно труднее. Вспоминаю, как отец однажды пытался мне объяснить какую-то задачу. Видимо, я проявила такую тупость, что он потерял терпение. Схватил чернильницу и что есть силы

грохнул ею по столу. Все ее содержимое оказалось на маме, которая отдыхала рядом на кровати. Она, чуть не плача, убежала отмываться, отстирывать и кричала: «К черту вашу дурацкую арифметику - что мне делать с платьем?»

- Просто цирк, но грустный...

- Между прочим, меня цирк поначалу и притягивал: одна из сестер мамы, очень мною любимая тетя, была замужем за одесским жонглером Александром Ширманом. Он был из известной цирковой династии. Я много с ними ездила, разного насмотрелась и решила пойти ассистенткой к Эмилию Теодоровичу Кио. Но тетя мне сказала: «Ты что с ума сошла! Не делай этого!» И я отправилась поступать в ГИТИС. Помню, спросила отца: «Что мне делать, если не поступлю?» - «Пойдешь работать кондуктором в трамвае!» - очень серьезно ответил он. Уже став студенткой, очень жалела усталых женщин с лентой билетов - ведь я вполне могла оказаться на их месте.

- Насколько мне известно, у вас в трудовой книжке одна-единственная запись...

- Хотя могло быть, конечно, больше. Андрей Александрович Гончаров меня звал в Театр Ермоловой, где был в свое время главным режиссером, Рубен Николаевич Симонов приглашал к себе в Вахтанговский... В Сатиру попала случайно - после окончания ГИТИСа сестра моего доброго знакомого Федора Николаевича Курихина, кстати, тоже артиста этого театра, сказала: «Почему бы тебе не пойти в Театр сатиры?» Набрала номер, сказала секретарю, что есть замечательная девочка. Там ответили: «Отлично, завтра - показ, пусть приходит». Пришла, сыграла отрывок из «Разлома», спела какие-то куплеты. И меня взяли на ставку 750 рублей. Это был 1954 год.

- Кажется, не густо по тем временам...

- Нормально. Я пришла получать удостоверение и услышала стук по столу и душераздирающий крик, который несся из кабинета: «Я долго буду получать 650 рублей?» Я испугалась и спросила секретаршу: «Кто это кричит?» Она ответила: « Это наш актер Папанов».

- Сколько ролей в Театре сатиры вы сыграли?

- Много, очень много: одних главных не меньше сорока, наверное. Вспомню только некоторые: «Баню», «Клопа», «Мистерию-Буфф», «А был ли Иван Иванович?», «Дамоклов меч», «Тень», «Трехгрошовую оперу». Когда играли «Дом, где разбиваются сердца», в кулисах слушали все: артисты, рабочие сцены, осветители, гримеры, гардеробщицы. Помню гигантские очереди перед кассами и конную милицию возле театра - билет в Сатиру был дефицитом, почище самого дорогого деликатеса! И «вкуснее!» Я счастливый человек: играла с Лепко, Весником, Менглетом, Сухаревской, Тениным, Папановым, Мироновым, Пельтцер. Воспоминаний хватает на целый том! Еще один том - на работу с Валентином Николаевичем Плучеком. С ним было работать безумно интересно и очень сложно.

- Почему?

- Это отдельный и очень долгий разговор. За сорок семь лет работы у меня было всякое: радость, боль за себя и за друзей. Как в настоящем театре, где есть место трагедии и комедии...

Что же касается Плучека, то Валентин Николаевич был диктатором, терпеть не мог чужого мнения. Обидчив был ужасно и... злопамятен. Тех, кто вставал поперек дороги, мог буквально выместить из театра.

Например, из-за разногласий с главрежем была вынуждена уйти Татьяна Пельтцер. Десять лет ни в одном спектакле не играла незаслуженно отлученная от театра Ольга Аросева...

Мой первый муж - заведующий труппой театра и первый помощник Плучека Зелинский тоже пострадал от гнева Плучека. Когда худрук потребовал Аросеву убрать из единственного спектакля, где она играла, - «Дом, где разбиваются сердца», то Георгий Васильевич отказался это сделать. И его «ушли». Я тоже высказала мнение, отличное от плучековского, и он затаил на меня зло - при всех обещал «зажать». Обещание сдержал - я перестала получать роли. Например, в «Ревизоре» должна была играть Анну Андреевну, уже было согласие Валентина Николаевича, но после конфликта он «передумал». Потом главреж отнял у меня Графиню в «Женитьбе Фигаро»...

- Что сейчас в вашем репертуаре?

- Еще жив «Идеальный муж». Но пьеса играется тяжело, уж очень сэра Оскара Уайль-

да в свое время порезали, и многое в этом спектакле непонятно, начиная с распределения ролей. Гораздо больше мне повезло с «Машинистками» - пьесой светлой и доброй, где много песен и музыки. Когда идет спектакль, всегда грохот аплодисментов и море цветов. Кстати, постучите на счастье, чтобы так было всегда!

- А можно я лучше поступу по стулу - он случайно не из известного телекачка? Его смотрели так, как сегодня смотрят «мыльные оперы» и футбольные матчи Лиги чемпионов. Или аудитория, «сидящая» на «13 стульях», была больше?

- Очень может быть. «Кабачок 13 стульев» придумал Георгий Васильевич Зелинский, талантливый и скромный человек. Папанов ему говорил: «Если бы я, Жорик, сделал такую передачу, то просто бы на ухах в рай въехал». «Кабачок», между прочим, шел на телевидении 15 лет - абсолютный рекорд! Мне же очень повезло с партнером: им был добрый и интеллигентный Роман Ткачук. Если вы помните, я была его «супругой». Он приезжал со съемом и смеялся: «Меня тетки в деревне молоком и сметаной закармливали. Говорят: кушай, а то жена у тебя такая стерва!»

- Юмор в передаче и впрямь был совершенный, нынче такого не сыщешь. Станьте, пожалуйста, хоть на минуточку снова пани Терезой...

- С удовольствием: «Ухожу, иду позировать художнику». «А для какой картины?» - спрашивают меня. «Клеопатра и змея».

«Интересно, с кого же он пишет Клеопатру?»

Теперь уже настала пора смеяться мне, как поступали тогда миллионы людей. От удовольствия, что шагнули в наши квартиры эти смешные и милые пани и паны: Зоя, Моника, Катарина, Владек, Вотруба, Директор, Спортсмен. Целый час голубой экран освещал не только квартиры, но и сердца и души.

- Зоя Николаевна, а этой телевизионной славы еще слышится?

- Представьте себе: Совсем недавно мою машину остановил постовой милиционер. Козырнул, улынулся: «Ну что, пани Тереза, нарушаете?» - «Извините, будете штрафовать?» - «Буду!» У меня сердце огорченно екает, а капитан делает паузу почти по Станиславскому, достает квитанцию и просит... автограф.

- Уверен, что счет: пани Тереза - автоинспекция в вашу пользу. Припомните, пожалуйста, еще один эпизод, где вам помогла избежать штрафа актерская выучка. Кстати, давно ли вы за рулем?

- Уже 30 лет. Однажды в районе Арбата перекрыли трассу. Я спешила на спектакль и в полном одиночестве вырвалась прямо перед ясные очи толстого и злого гаишника. Он, разъяренный, бросился ко мне: «Куда, мать твою, кто разрешил?» Со значением говорю: «Как кто? Василий Иванович, конечно!» Тогда масса анекдотов ходила про Чапаева, и я произнесла первое имя и отчество, которые пришли в голову. Милиционер сразу осекся, - а может быть, какой-

то Василий Иванович и впрямь был большим милицейским начальником. Толстяк посмотрел на меня, оценил ситуацию и по-настоящему кивнул: «Тогда проезжай».

По секрету сообщу читателям, что мне ни разу не приходилось раскошелиться на штраф - все постовые, которые попадались на моем пути, были очень милыми людьми и заодно поклонниками Театра сатиры и «Кабачка 13 стульев».

- Наверное, это абсолютный рекорд Москвы... Давайте немного «отъедем» от театра. Тем более что ваш дом совсем рядом - на Малой Бронной...

- Обожаю создавать уют - моя квартира в старом кооперативном доме, построенном еще в 1928 году. Я вроде домашнего архитектора: вечно что-то ломала, передвигала, подстраивала, перекраивала. В общем, могу конструктивно мыслить и рассчитывать. Но в последнее время моя жизнь и жизнь соседней в значительной мере испорчена.

- Вы имеете в виду стропильство, шум от которого служит аккомпанементом нашей беседы?

- Да, по чьей-то злой воле прямо под окнами нашего дома воздвигают девятиэтажный дворец. Видимо, для «новых русских». По этому случаю безжалостно уничтожен дворик с деревьями, лишены света жители четырех окрестных домов. Когда это все затевалось, жильцов нашего дома пригласили на собрание в пресненскую управу - что там было! Люди кричали, плакали, возмущались, но...

После собрания я подошла к районному архитектору: «Я понимаю, что вы не любите людей, вам наплевать, как они будут жить, но должны же вы уважать свою профессию. Это же старая Москва - как можно впахнуть в этот крошечный дворик громадный дом? Вы понимаете, что уродуете город?» Он весело рассмеялся и ответил, что это удар ниже пояса.

- Ваши окна выходят на Патриаршие пруды, которые давно забыли лучшие времена...

- Мне больно даже смотреть в ту сторону. А ведь когда-то оттуда неслась музыка, теперь же невыносимо слышать со скамеек оглушительный мат и звон бутылок. Вечером ходить мимо тамошних завсегдаев просто опасно.

- Скажите, а где поклонники, кроме театра, могут вас лицезреть?

- Я люблю гулять по району - только рано, когда Пресня еще спит. Иду переулками, по старой Москве, заходя в церкви, скверы - от Малой Бронной мимо Патриарших. Пока улицы не проснутся окончательно, не зашеледят шинами, торопливыми шагами прохожих. Тогда пора возвращаться домой - я не люблю сумерки...

Мы выходим из театра, прощаемся, и красной автомобиль актрисы растворяется в сумерках. Вашему корреспонденту остается на память мягкий, обволакивающий голос на ленте диктофона. Я нехотя возвращаюсь из времени, где царствует несравненная пани Тереза.